

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.1

Д. Е. Расков

ОБРАЗ ЭКОНОМИКИ В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Введение

«Институты имеют значение» — с этим известным изречением Дугласа Норта всерьез не будет спорить ни один из современных экономистов. С признания этого положения намечаются, по крайней мере, два основных пути — либо использовать инструменты экономической теории для изучения изменений институтов, либо изучать влияние институтов на экономическое развитие. В первом случае речь идет о расширении предмета экономической теории на новые сферы: право, организацию, политику, историю. Во втором случае с известными оговорками такова же логика так называемого «экономического империализма». При этом сами экономические процессы ставятся в зависимость от инстинктов, привычек, ментальных моделей и т. д., т. е. институты определяют характер и экономики, и экономической теории. Как правило, первое понимание институционализма связывают с новой институциональной экономической теорией (НИЭТ), второе — со старым, или традиционным, институционализмом.

Фактически сформировались две разные традиции, которые обладают большим внутренним разнообразием. При знакомстве с конкретными авторами оно только нарастает. Приходится признать, что единой теории не сформировалось ни в новом, ни в старом институционализме. Само понимание термина «институт» сильно отличается: то, что Норт называет институтом, Уильямсон назовет институциональной средой. Предмет исследования и применяемые методы имеют мало общего в теории трансакционных издержек, новой экономической истории и эволюционной экономической теории. Не было сформировано единой теории и в старом институционализме. Достаточно напомнить, что Веблен в большей степени интересовался социологическим и антропологическим исследованием практики ведения бизнеса, Митчелл наибольшее значение придавал сбору фактической статистики, став основателем Национального бюро экономических исследований, а Коммонс — автор «Институциональной экономической теории» — больше интересовался связью экономики и права.

Инструментальная, дисциплинарная разница двух подходов не вызывает сомнений. В задачу же настоящей статьи входит раскрыть общее «видение», или образ, экономики

Данила Евгеньевич РАСКОВ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Экономического факультета СПбГУ. В 1996 г. окончил Экономический факультет СПбГУ. С 1999 г. работает в Университете. Сфера научных интересов — институциональная экономика, методология экономической теории, экономика и религия. Автор более 40 научных публикаций.

в старом институционализме, сопоставляя его с новым институционализмом, т. е. отойти на шаг от инструментов и концепций и обратиться к «преданалитическому акту познания». При этом будут раскрыты следующие вопросы: Что понимают в экономической методологии под образом экономики? Каково место старого институционализма в структуре экономического знания, исходя из «видения», или образа, экономики? В чем состоит методологическая дискуссия об отличии старого и нового институционализма? Каковы представления об экономике и человеке в старом и новом институционализме на примере сравнения двух тематически близких работ: «Теория делового предприятия» Веблена (1904) и «Природа фирмы» Коуза (1937)? Можно ли ожидать сближения и взаимопроникновения этих двух подходов, которые обозначены как новый и традиционный институционализм? Начать же разыскания целесообразно с резких и критических высказываний в адрес старого институционализма со стороны представителей НИЭТ.

«Лучше плохая теория, чем никакой»: взаимная критика

Представители НИЭТ и экономисты-методологи зачастую критически оценивают достижения старого институционализма. Пожалуй, классическую точку зрения на старый институционализм выражает заключение, приписываемое Купмансу: «Измерение без теории». Известный экономист-методолог М. Блауг подчеркивает, что старый институционализм наряду с марксизмом мог стать значимой альтернативой неоклассической теории. Тем не менее, по мнению Блауга, американский институционализм не смог создать теории. Вердикт прост и впоследствии стал почти стандартом: преобладание описания над анализом, отсутствие единого языка, отход от экономического анализа к области «экономической социологии», т. е. описание влияния общественных институтов (государство, право собственности) на поведение, и главное — неспособность создать жизнеспособную альтернативу неоклассической теории [1, с. 656–659].

Представители НИЭТ редко ссылаются на американских институционалистов. Коуз считает себя последователем А. Смита, А. Маршалла, Ф. Найта. Ссылки на старых институционалистов в его работах практически не встречаются. Обычно деликатный и сдержанный, Коуз проявляет известную жесткость, замечая в обзорной статье «Новая институциональная экономическая теория», что старый институционализм оставил «массу описательного материала, ожидающего теории, или топки» [2]. Это высказывание отражает стандартный взгляд экономистов.

Новые институционалисты развивают существующую экономическую теорию и не стремятся к революции в науке. Для них стало типичным занимать по отношению к старому институционализму несколько высокомерную позицию. В этой связи характерна критика старого институционализма со стороны Пола Джоскоу, на тот момент (2002 г.) президента Общества по изучению новой институциональной экономической теории (ISNIE). Она сводилась к следующим пунктам:

- отсутствие строгого и системного теоретического анализа;
- недостаток эмпирической базы;
- сложности с обобщениями, слишком специфический анализ;
- политизация теории.

Как видим, на первом месте стоит все тот же упрек в отсутствии единой теории и строгих методов анализа. Многообразные интересные наблюдения часто несводимы к обобщениям. Последний недостаток заставляет напомнить большую нацеленность на критику status quo в старом институционализме. В целом же общим местом является признание принципиального разрыва между двумя типами институциональной теории.

Традиционный институционализм (скажем, Дж. Ходжсон) со своей стороны также весьма критично оценивал стремление сохранить предпосылки и аппарат исследования стандартной экономической теории в НИЭТ. Критика предпосылок и неявной идеологической позиции характерна для старого институционализма. Традиционный институционализм, который развивает наследие американского институционализма, продолжает критическую линию по отношению как к теории, так и к сложившейся системе экономического устройства. Упреки чаще всего касались попыток молчаливо сохранить неоклассическую исследовательскую программу в институциональных исследованиях [3]. Когда Блауг предлагает мораль из рассмотрения американского институционализма, то подразумевает «разрушительную критику» по отношению к экономической теории: «...чтобы победить старую теорию, недостаточно подвергнуть разрушительной критике ее предпосылки или собрать новые факты — надо предложить новую теорию» [1, с. 659]. Взаимная критика заставляет задуматься об отличиях в изначальном «видении», или образе, экономики.

Образ экономики и структура экономического знания

В этой части мы покажем значение таких понятий, как «видение» (Й. Шумпетер), «онтологическое окно» (У. Мяки), или образ экономической реальности (О. И. Ананьин), которые, по сути, имеют очень близкое значение. Кроме того, вслед за О. И. Ананьиным на основании трех базовых образов экономики будет предложена общая структура экономического знания, что поможет дополнительно сопоставить старый и новый институционализм.

В истории экономической мысли, которую собирался рассказать Й. Шумпетер, главное место отводилось аналитическим инструментам. Тем не менее Шумпетер признал, что экономистов отличают не только инструменты, но и изначальный взгляд на проблему. «На практике, — пишет Шумпетер, — исследование всегда начинается с изучения работ предшественников. Но предположим, что мы начали с нуля. Каковы наши первые шаги? Очевидно, для того чтобы поставить перед собой какую-либо проблему, мы должны прежде всего иметь перед глазами определенный набор связанных явлений, представляющих собой достойный объект для исследования. Иными словами, аналитической работе должен предшествовать преданалитический акт познания, поставляющий материал для анализа. В этой книге такой преданалитический акт познания мы называем “видением”» [4, т. 1, с. 49]. Кроме работ предшественников, исследование экономики зависит от «преданалитического акта познания», который дает возможность выделить набор связанных явлений, понять, какая проблема достойна того, чтобы ею заняться. Изначальная интуиция облекается в слова и понятия, затем собираются факты, а уже потом создаются научные модели. «Видение» по определению связано с идеологией. Этот подход позволил Шумпетеру увидеть одно мировоззрение у Смита, Милля, Дживонса, Вальраса, Менгера, Маршалла, Кларка: мир многочисленных и независимых фирм, для которых конкуренция — нормальный порядок вещей [4, т. 3., с. 1176–1177].

В экономической методологии важность изначального образа экономики для выбора теории соприкасается с онтологическими критериями. Долгое время идеалом такого выбора был эмпирический критерий, согласно которому теория проверяется эмпирическими данными по определенным правилам, что определяет выбор теории. Тем не менее было выявлено, что эмпирический критерий играет совсем небольшую роль в реальной практике. В ответ на это появились различные социальные концепции выбора, связанные с социальным конструированием, риторикой, «беседой». Онтологический критерий

предполагает выбор тех идей, которые согласуются с представлением о том, какова структура экономики, каким образом она функционирует в реальности [5].

«Видение» (или образ) экономики в терминах Шумпетера очень близко современному пониманию методолога У. Мяки «картины мира», или «онтологического окна», сквозь которое экономист смотрит на мир. Действительно, у каждой теории есть свои метафизические предпосылки, которые могут не совпадать с предпосылками, которые делает сам экономист. Экономическая онтология фактически ставит задачей выявить и подвергнуть критике базовые, основные предпосылки, которые зачастую принимаются неявно и открыто не обсуждаются.

Таким «онтологическим окном» при взгляде на экономику может быть *механизм, машина или живой организм*. Говоря о творчестве Дж. Бьюкенена, Мяки выявляет три базовые предпосылки его исследований: автономность индивида, рациональность выбора и спонтанная организация рыночного порядка. Экономисты, использующие микроэкономические инструменты, зачастую будут неявно отталкиваться от схожих предпосылок: методологического индивидуализма, рациональности и рынка. Противоположный взгляд на экономику может исходить из коллективизма, неосознанности (иррациональности) выбора и рационального устройства хозяйства.

Для дальнейшего изложения представляет интерес структура современного экономического знания на основании образов экономической реальности, которую в контексте проблем трансформации выделяет О. И. Ананьин: «Таким образом, налицо, по меньшей мере, три различающихся образа (видения) экономической реальности: (а) как мира деятельности (поведения) хозяйствующих субъектов, (б) как кругооборота богатства и (в) как совокупности экономических институтов — каждый из которых претендует на то, чтобы представлять экономическую реальность как таковую или, как минимум, ее ядро» [6, с. 140]. В таблице схематично представлены эти три различных образа экономики и, соответственно, школы экономической мысли, которые сопоставляются по основным используемым понятиям, областям экономической реальности, а также по проблемным полям, которые эти школы оставляют за рамками исследования.

Картины экономической реальности и структура научного знания

Образ экономики	Деятельность (поведение) хозяйствующих субъектов	Кругооборот богатства и ресурсов	Совокупность экономических институтов, «встроенность»
Понятия	Экономическое поведение, выбор, рациональность (max, min)	Инварианты богатства (деньги, труд, общественный продукт)	Институты, эволюционные изменения
Изолирование	Ресурсы и институциональная среда	Институциональная среда и модели поведения	Потоки и модели поведения
Школы	Неоклассика, маржинализм, австрийская школа, НИЭТ	Классика, марксизм, кейнсианство и монетаризм	Старый институционализм, немецкая историческая школа

Составлено по: [6, с. 137–144].

Это схематичное представление о классификации экономического знания дает важный ключ к пониманию различий в начальном «видении» старого и нового институционализма. В центре внимания новых институционалистов при всех отличиях остается поведение хозяйствующего субъекта. Именно поэтому Уильямсон называет теорию транзакционных

издержек наноэкономикой, а Коуз в центр новой дисциплины «экономика и право» ставит проблему рационального выбора. Институты, эволюционные изменения ставятся в центр внимания у старых институционалистов. Изначальный взгляд на экономику как на систему, которая формирует поведение субъектов или как на систему, которая формируется эволюционно и сама определяет индивидуальный выбор, будет отличать эти два магистральных пути институционалистов. Разница между ними оказывается большей, чем между неоклассической теорией и НИЭТ или старым институционализмом и немецкой исторической школой. К этому часто было приковано внимание методологов и интерпретаторов, о чем подробнее речь пойдет в следующем параграфе.

Методологическая дискуссия о соотношении старого и нового институционализма

Методология нового институционализма остается плохо разработанной, чаще можно встретить его оценки в сравнении со старым институционализмом [3; 7; 8]. Ранее мы показали, что с точки зрения риторики НИЭТ активно заимствует метафоры из сопредельных дисциплин — права, менеджмента, когнитивной науки и политологии, сохраняя метаметафоры экономистов — эффективность, экономия, оптимум [9]. На данном этапе предстоит четче понять различия двух подходов, наметить возможные точки будущего притяжения или отталкивания. Большой методологический интерес к старому институционализму неслучаен. Во-первых, о явлении легче судить, когда оно уже пережило свой расцвет. Во-вторых, поскольку сами институционалисты обсуждали методологию в экономической науке. Так, Веблен написал даже ряд статей о философских предпосылках экономической теории [6, с. 76–97].

Знарок старого институционализма М. Рузерфорд выделяет такие его отличительные особенности, как *эволюционизм*, *холизм*, *инструментализм* [10]. Коммонс и Веблен ставили вопрос об эволюционном характере экономической теории. Холизм как ориентация на целое противостоит методологическому индивидуализму с его принципиальным положением о том, что любой выбор делает индивид. Старые институционалисты не стремятся сводить все экономические явления к индивидуальному уровню, общему целому также не приписывается роль агента, напротив, ведется поиск институциональной, межсубъектной обусловленности поведения. Старые институционалисты испытали на себе влияние инструментализма и прагматизма как философской позиции, выраженной, в частности, у Ч. Пирса и Дж. Дьюи [11]. Это предполагало как отказ от дихотомии нормативного и позитивного, науки и метафизики, так и переосмысление институтов на основании их связи с практическими результатами.

Тем не менее при всех различиях М. Рузерфорд усматривал и черты сходства, точки взаимных пересечений двух институционализмов. Критика мейнстрима, признание влияния институтов объединяют два подхода. НИЭТ сохраняет в качестве базы исследования микроэкономик, в центре внимания оставляет своекорыстный интерес, максимизирующее поведение. В старом институционализме предпочитается более описательный и менее формальный метод, в исследование включаются такие культурные, социальные и политические параметры, как статус, группа, власть. Рассматривая же две работы Д. Норта [12; 13], Рузерфорд приходит к выводу, «что различия между старым и новым [институционализмом] при ближайшем рассмотрении не такие острые, как обычно предполагают ... вероятно нахождение основы для диалога» [7, р. 444]. В частности, Норта интересует вопрос о том, как формируются те или иные институты, те или иные стандарты поведения. Здесь неизбежно обращение к ментальным моделям, идеологии, картине мира.

Намечается и достаточно серьезный внутренний методологический конфликт, состоящий в том, что смелые заявления о желании постичь институциональную структуру экономики не позволяют ограничиться метаметафорами эффективности и максимизации.

К похожим выводам приходит и Дж. Ходжсон [8]. В заключение статьи «Институциональная экономическая теория: от Менгера и Веблена к Коузу и Норту» он делает вывод о том, что область взаимных пересечений в исследованиях старого и нового институционализма расширяется: «Крайний индивидуализм новой институциональной экономической теории в его ранних формах был подвергнут как внутренней, так и внешней критике. “Институциональная экономика”, которая появится в ближайшие несколько десятилетий, может сильно отличаться от той теории, которая была известна в 1980-е и 1990-е годы, возводя свою генеалогию как к старому, так и к новому институционализму» [8, p. 99]. Анализ текстов Ходжсона интересен тем, что он показывает неоднозначность выводов как в старом, так и в новом институционализме. По таким ключевым вопросам, как соотношение холизма и методологического индивидуализма, взаимодействие индивидов (агентов) и институтов, проблемы происхождения и природы институтов, внутреннего единства не наблюдается. С одной стороны, индивидуальное поведение зависит от институциональных установлений, формируется обычаями, привычкой и инстинктами, общественные потребности превалируют над индивидуальными (Веблен, Коммонс, Митчелл, Айрес). С другой стороны, институты меняются под воздействием индивидуальных решений, связь между индивидом и институтами сложнее, чем просто однонаправленное и вертикальное движение. Позиция Рузерфорда и Ходжсона относительно расширяющейся области взаимных пересечений двух институционализмов вряд ли может считаться объективной, поскольку сами они ведут свою работу в духе старого институционализма и в определенной степени выдают желаемое за действительное. В этой связи логично вновь обратиться к такому методологу, как Марк Блауг.

Блауг выделяет три черты, относящиеся к методологии и раскрывающие суть институционализма Веблена, Коммонса, Митчелла:

- критика излишне высокого уровня абстракции в неоклассике;
- вера в преимущества междисциплинарного подхода;
- призыв к эмпирическим и детальным исследованиям [1, с. 657].

Четвертой чертой Блауг считает благожелательное отношение к государственному вмешательству в экономику. Возьмемся предположить, что в такой интерпретации разница между двумя институционализмами не столь уж принципиальна. Неудовлетворенность высоким уровнем абстракции объединяет, пожалуй, всех критиков неоклассики, к которым относятся и новые институционалисты. Достаточно вспомнить, что своей главной задачей Коуз видит возвращение предмета в экономическую теорию, исследование реально работающей экономики, а не абстрактной «экономики классной доски». Сама эта метафора предельно выражает критику высокого уровня абстракции.

Междисциплинарный подход таит в себе много сложностей. Заслугой нового институционализма можно считать активное заимствование из сопредельных дисциплин. Работы Коуза отличает правовой стиль изложения, а примерами служат материалы из судебной практики, Уильямсон пользуется наработками теории менеджмента, практикой антимонопольного регулирования, Норт находится в постоянном поиске новых синтетических метафор — исторических, технических, когнитивных, политических, которые дадут ключ к пониманию социально-экономических изменений [9]. В отличие от старых институционалистов, они остаются экономистами по преимуществу.

Призыв к детальным исследованиям в жанре рассказа особых историй или сбора статистических сведений также не совсем четко отличает старый институционализм.

Детальные исследования с раскрытием подробностей строительства маяков или споров по правам собственности характерны для Коуза. Исторические иллюстрации постоянно присутствуют в работах Норта. Достаточно вспомнить институциональную интерпретацию «Славной революции» или подробное исследование института пиратства. Тем самым Блауг показывает те черты, которые в основном будут объединять старых и новых институционалистов, что служит лишним подтверждением того, что разница двух подходов преувеличена.

Область взаимных пересечений существенно меняется в зависимости от автора, разделение носит зачастую условный характер. В этой связи представляет несомненный интерес детальная работа по сравнению конкретных авторов и выявлению через такое фрагментарное сравнение подлинных различий во взглядах и изначального образа экономики. Такие сравнения могут быть особенно продуктивны, если конкретные исследования касаются близких тем. Далее мы предлагаем провести сравнение методологических предпосылок, которые положены в основу двух работ — Р. Коуза «Природа фирмы» (1937) и Т. Веблена «Теория делового предприятия» (1904).

Коуз и Веблен о природе фирмы

Книга Веблена и статья Коуза написаны в разное время, их разделяет чуть более тридцати лет. Коуз ставит задачу уяснить природу фирмы и выработать более верное понимание понятия «фирма», оставаясь в рамках микроэкономики. Задача Веблена — постичь природу делового предприятия в более широком культурном контексте развития современной цивилизации, материальной основой которой является индустриальная система. В рамках логики Коуза фирма появляется в результате очевидных изъянов механизма цен — наличия особого рода издержек, которые делают альтернативу рынку — иерархию — более привлекательной. Издержки, связанные с разрастанием организационной структуры, определяют и оптимальный размер фирмы. Коуз расширяет экономическую теорию в сторону права и организации. Трактат и мысли Веблена сложно уложить в простую схему. Деловое предприятие, или сфера бизнеса, наряду с машинной индустрией, основанной на дисциплине и материалистическом духе, составляют современную цивилизацию. Экономику Веблен рассматривает в контексте права, политики, культуры и психологии. Причинно-следственные связи носят неоднозначный, сложный характер. Веблен одновременно рассказывает много разных, по-своему захватывающих историй. Остановимся подробнее на представлениях о деловом предприятии (фирме) Веблена и Коуза и их общем «видении» экономики.

Из книги «Теория делового предприятия» вырисовывается необычный образ экономики [15]. Четко выделить, что понимает Веблен под экономикой, затруднительно. Широчайшая эрудиция и оригинальность мышления автора мешают редукционизму и изолированию этого явления. В экономике Веблен выделяет две антагонистические силы: бизнес и машинную индустрию, которые вместе составляют часть культурного развития современной цивилизации. Описать их природу и понять деловое предприятие Веблен считает невозможным без изучения исторического и политического процесса и права, без осмысления развития культуры.

Экономика обладает свойством кумулятивной причинности («слабое возмущение может стать причиной широкомасштабного расстройтва») [14, с. 28]. Экономика для Веблена — это результат длительного исторического развития, что сближает его подход с марксизмом и немецкой исторической школой. Природу современного делового предприятия Веблен показывает на фоне средневековых институтов: «Унаследованный титул

давал право на владение собственностью, но собственность не давала права на титул» [14, с. 60]. Тем самым историческая дистанция позволяет показать изменчивую природу и историческую обусловленность такого явления, как бизнес.

Экономика понимается Вебленом не как универсальная, но имеющая культурную обусловленность система. Зачастую Веблен говорит о «западноевропейской культуре». У него можно наткнуться на такую фразу: «Америка — естественная среда обитания человека, добившегося успеха своими собственными силами, а такой человек сам по себе финансист с ног до головы» [14, с. 200]. Войны и продвижение финансовой культуры в остальные страны Веблен склонен рассматривать как часть экспансии делового предприятия.

Отправная точка Веблена во многом совпадает с Коузом — это деятельность бизнесмена с его целями, мотивацией и средствами [14, с. 9, 13]. Эта деятельность сталкивается с новой реальностью — машинной индустрией, вносящей рациональность, стандартизацию и механистический дух. Природа же бизнеса и делового предприятия принципиально иная: она ориентирована исключительно на прибыль, покоится на представлениях о незыблемости прав собственности как «естественном праве», свободе контракта, денежном расчете и кредите. Конституционная форма правления соответствует интересам бизнеса, партии подчиняются интересам делового предприятия. Веблен не менее критичен к бизнесу, чем Аристотель по отношению к хрематистике. Хронический беспорядок, обман, авантюрный и паразитарный характер становятся, по мысли Веблена, спутниками большого бизнеса: «Полностью бесполезная или даже пагубная для общества в целом деятельность может оказаться столь же прибыльной для бизнесмена и нанятых им работников, как и труд, вносящий значительный вклад в производство совокупных средств к существованию» [14, с. 53].

От пытливого взгляда Веблена не ускользает тот факт, что в современном деловом предприятии управление и собственность разделены, что депрессия во многом связана с психологическими особенностями и «расстройством чувств» бизнесменов, что наряду с реальной экономикой формируется фиктивный капитал, который необоснованно разрастается за счет кредитной природы современного делового предприятия, что реклама может вводить в заблуждение покупателей и помогать сбывать товары с вымышленными свойствами, что политическая жизнь и военные авантюры становятся продолжением интересов бизнеса. Эти и другие многочисленные истории наполняют книгу и формируют объемную и пеструю картину делового предприятия, трудно сводимую к одному и даже нескольким факторам.

По контрасту с Вебленом Коуз ставит перед собой гораздо более узкую задачу — уточнить определение и понимание фирмы. Отличительная черта фирмы, этого «островка сознательной власти» — вытеснение механизма цен [15, с. 35]. Фактически Коуз защищает одну достаточно простую идею о том, что любая транзакция может быть организована либо внутри фирмы, либо на рынке. Соотношение этих издержек по поводу организации такой транзакции и будет определять размер фирмы. Тем самым, отталкиваясь от стандартных представлений в экономической теории, дополняя их более реалистичным изолированием от фрагментов реальности, Коуз дает новое понимание природы фирмы, которое сравнивает с определениями такого автора, как Ф. Найт. Рамки экономики слегка раздвигают лишь правовая и организационная сферы. Области культуры, исторической эволюции, политики, критики настоящего положения вещей остаются строго за рамками статьи Коуза.

Образ экономики Коуза близок и А. Смиту, и неоклассическому направлению. В реальной экономической системе наряду со специализацией, обменом и «невидимой рукой» рынка действует организация, в рамках которой транзакции осуществляются по принци-

пу приказа и делегирования полномочий. В центре внимания — мотивация участников рыночного процесса, которые, исходя из калькуляции выгод и издержек, осуществляют сознательный выбор в пользу фирмы.

И Веблен и Коуз провозглашают, что будут отталкиваться от мотивации и поведения участников рыночного процесса. Но если для Коуза экономика видится как результат деятельности и сознательного выбора индивидов, то для Веблена экономика — это совокупность институтов, в которой деловая мотивация оказывается одним из факторов сложной эволюции системы.

Заключение

Образ экономики в старом институционализме и НИЭТ при всем внутреннем многообразии существенно отличается. Для старого институционализма реальность предстает как совокупность институтов, для НИЭТ — как следствие деятельности агентов рынка. Более детальное рассмотрение работ Коуза и Веблена, посвященных близкой тематике, подтвердило это общее наблюдение.

Какие уроки возможно извлечь из исследования образа экономики как преданалитического акта познания для будущего развития институционализма?

Представление старых институционалистов об экономике еще имеет потенциал, потому что оно может оказать воздействие на повестку дня в экономической науке. Экономика видится как неравновесная, эволюционная система, в которой действует историческая обусловленность. Кроме того, экономические процессы рассматриваются как встроенные в культуру и властные отношения. Можно предположить, что по мере исчерпания «наращивания» институциональной проблематики в рамках «поведенческого видения» пространство диалога и взаимных пересечений старого и нового институционализма станет возрастать. Примером такой работы со стороны НИЭТ служат последние книги Д. Норта.

Для НИЭТ полезно поучиться у старого институционализма дистанции и смелой критической позиции по отношению к status quo в обществе, что поможет избавиться от неявных идеологических допущений, принимаемых молчаливо на веру. В свою очередь, современные последователи старого институционализма, имея более оригинальный и реалистичный образ экономической реальности, скорее всего, смогут полнее использовать строгие методы и инструменты анализа, чтобы достичь большей убедительности в рассуждениях и выводах. Вместе эти два процесса способны привести к формированию единой институциональной теории.

Институциональная экономика как дисциплина, включенная в России в программу обязательного преподавания для экономистов, не проиграла бы от включения не только инструментов НИЭТ, но и достижений старых и традиционных институционалистов, которые зачастую всерьез не рассматриваются. Это включение стало бы небольшим отступлением в методе, но дало бы существенный выигрыш в качестве идей и умении думать. Подобное взаимное сближение старого и нового институционализма помогло бы продвинуться в создании единой теории как в объяснении институтов, так и в объяснении с помощью институтов.

1. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.

2. *Coase R. H.* The New Institutional Economics // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1984. N 140. P. 229–232.

3. *Langlois R.* What was wrong with the Old institutional economics (and what is still wrong with the new)? // *Review of Political Economy*. 1989. Vol. 1. N 3. P. 270–298.

4. Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1–3. СПб.: Экономическая школа, 2001.
5. Mäki U. The way the world works (www): towards an ontology of theory choice // The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. Cambridge University Press, 2001. P. 369–389.
6. Ананьин О. И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. М.: Наука, 2005.
7. Rutherford M. The Old and the New Institutionalism. Can bridge be build? // Journal of Economic Issues. 1995. N 2. P. 443–451.
8. Hodgson G. Institutional economics: from Menger and Veblen to Coase and North // The Elgar Companion to Economics and Philosophy / Ed. by J.B. Davis, A. Marciano and J. Runde. Edward Elgar Publishing, 2004. P. 84–101.
9. Расков Д. Е. Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 81–95.
10. Rutherford M. Institutionalism // The Handbook of Economic Methodology / Ed. by J. Davis, D. W. Hands and U. Mäki. Edward Elgar Publishing, 1998.
11. Mirowski Ph. The Philosophical Foundations of Institutional Economics // Against Mechanism. Protecting Economics from Science. Rowman&Littlefield. 1988. P. 106–133.
12. North D. Structure and Change in Economic History. New York, London: W.W. Norton & Co, 1981.
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
14. Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007.
15. Козз Р. Природа фирмы // Природа фирмы. М.: Дело, 2001.

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2010 г.